

УДК 316.7
ББК 60.543

И. Н. Смирнова

**АПОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ**

В статье анализируются результаты серии социологических исследований, проведенных в Ивановском регионе в 2015—2016 годах. В центре внимания автора особенности пространственно-временных координат сознания студенческой молодежи и доминирующие характеристики социальной идентичности личности в условиях транзитивного общества. В качестве концептуальной характеристики современного молодежного сознания обозначена транзитивность, которая порождает некоторые особенности менталитета: ограниченную проективность и кризисность.

Ключевые слова: локальное сознание, глобальное сознание, студенческая молодежь, время, социальная идентичность.

I. N. Smirnova

**TIME'S APOLOGY:
STUDENT YOUTH'S PRESENTATIONS
ABOUT THE TIME AND ON ITSELF**

The article generalizes the results of the two years sociological studies conducted in the Ivanovo. The author focuses on the features of the space-time coordinates of the student's youth consciousness and the basic characteristics of the social individual identity in the conditions of a transitive society. Transitivity as a conceptual characteristic of the modern youth consciousness is indicated. Certain features of such a mentality — limited projectivity and crisisness — are analyzed.

Keywords: local consciousness, global consciousness, student youth, time, social identity.

Смирнова Инна Николаевна [Inna N. Smirnova] — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом. Ивановский государственный университет [Ivanovo State University]. E-mail: kodina_inna@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 26.06.2017; рекомендован к публикации 1.10.2017. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор социологии Зоран Милошевич.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (РГНФ) научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

Данная статья продолжает серию статей, опубликованных на страницах журнала «Ноосферные исследования» в 2015—2016 годах, и посвященных различным характеристикам сознания студенческой молодежи [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25].

Проблематика сознания современного человека все чаще обнаруживает себя в категориях «глобального» и «локального» [2; 12; 13; 27] (иногда даже глокального) [10; 11; 16; 18], а анализ личностной аксиологии строится на изучении внутреннего мира (внутреннего «Я») человека в условиях тревожных, иногда даже радикальных преобразований. Большой интерес в данном контексте вызывает исследование сознания студенческой молодежи, как наиболее динамичного, адаптивного, гибкого срез общественного сознания [14; 17]².

Авторская позиция, представленная в статье, опирается на ряд социологических исследований, проведенных в конце 2015 — середине 2017 года в Ивановской области среди студентов различных вузов, направлений подготовки, формы и уровня обучения. При анализе сознания современной молодежи индикаторами выступали следующие важные составляющие: выявление преобладающих социальных настроений; изучение спектра социальных страхов и тревог; анализ ценностных ориентаций; определение жизненных стратегий личности; описание восприятия пространства и времени, планирование последнего; изучение особенностей миграционного и туристического поведения; оценка роли России на мировой арене, а также политической и экономической ситуации в стране и регионе; анализ различных аспектов социальной идентичности; выявление факторов, формирующих общественное сознание.

Первая волна исследований была реализована в ноябре-декабре 2015 года (n=210 чел., ошибка выборки — 5%, метод — анкетирование). Эту волну мы условно обозначили как «*тревожную*»: война с участием российских войск в Сирии, катастрофа российского авиалайнера в небе над Египтом, теракты в Париже, усложнение отношений с Украиной и другие события, — все это оказало существенное влияние на сознание студенческой молодежи. *Вторая волна* по идентичному инструментарию и с сохранением структуры выборки была проведена в мае-июне 2016 года (n=225 чел., ошибка выборки — 5%). Фон второй волны — получившей условное наименование «*спокойная*» — более ровный, существенных катастрофических событий отмечено не было.

Место проведения исследования — Ивановский регион — во многом уникально: «двойная (кризисные тенденции в стране, депрессивные процессы в регионе) депрессивность» сознания молодежи, которая составляет от 20% до 30% населения ре-

² *Примечание:* сознание человека, в дисциплинарном (социологическом) плане, мы понимаем как интегрированное и многомерное отражение реальности. В рамках философского дискурса нам ближе трактовка глобального сознания из пространства ноосферных исследований [6; 8].

гиона, позволяет проследить формирование и динамику основных характеристик сознания в спокойное и тревожное время.

Проблемное поле работы обнаруживает себя на пересечении социологии и философии (аксиологии и праксиологии). Синтез философского и социологического дискурсов позволил предложить качественный анализ феномена провинциального студенческого сознания в контексте системной методологии.

Цель данной статьи — зафиксировать особенности пространственно-временных координат сознания провинциальной молодежи и выявить доминирующие характеристики социальной идентичности личности. Иными словами, нами предпринята попытка качественно описать хронотоп, в котором обнаруживает себя современная молодежь среднестатистического российского региона. Метафорически это можно выразить вопросительной формулой — «кто Я? и где Я?».

***Замедленное время:
пространственно-временные координаты сознания
студенческой молодежи***

Э. Гидденс — выдающийся британский социолог, внесший существенный вклад в анализ динамики пространственно-временных отношений, считает, что именно расширение социальных практик во времени и пространстве, преодоление территориальной ограниченности является фундаментальной характеристикой современного мира [28, р.18]. Трансформация в измерении времени, или как называет это Э. Гидденс, «опустошение времени», то есть абстрактность его измерения, привела и к «опустошению пространства». Для современного общества характерны отношения пространственно-временной дистанцированности, ограниченности, растянутости, и их преодоление — одновременно, насущная проблема и критически важная задача современного миропостроения.

Чтобы отследить пространственно-временные характеристики сознания студенческой молодежи, обратимся к данным исследования. Опрос показал, что время, в котором живут респонденты, является вполне комфортным для них: оно устраивает 55% опрошенных тревожной волны и 69% респондентов спокойной волны (рис. 1). Однако при сравнении данных двух волн можно наблюдать смещение ответов студентов в сторону «оправдания» времени при спокойном социально-политическом и экономическом событийном фоне.

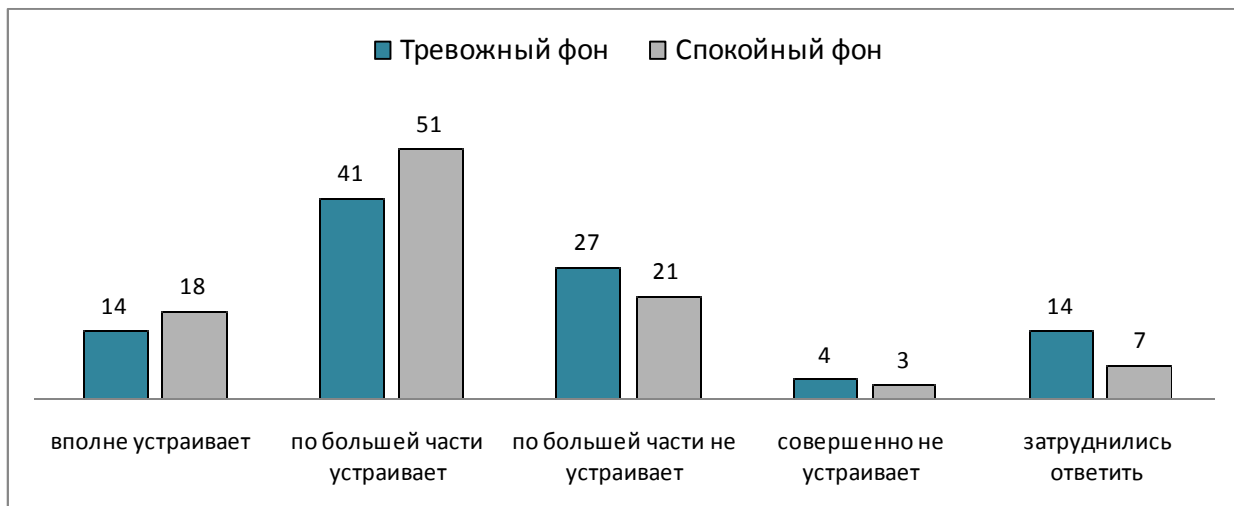

Рис. 1. «Одобрение» времени, в котором живет студенческая молодежь, в % ($N^{2015}=210$, $N^{2016}=225$)

Оценивая время и свое место в нем, более половины студентов и в спокойное, и в тревожное время отметило, что время, в котором они живут — это их время; меньшая часть указала на то, что их время еще не пришло, оно впереди. В основе такого времявосприятия лежат страхи и надежды молодежи: в тревожное время обостряются социальные страхи, что приводит к увеличению доли тех, кто считает, что его время еще не пришло (рис. 2).

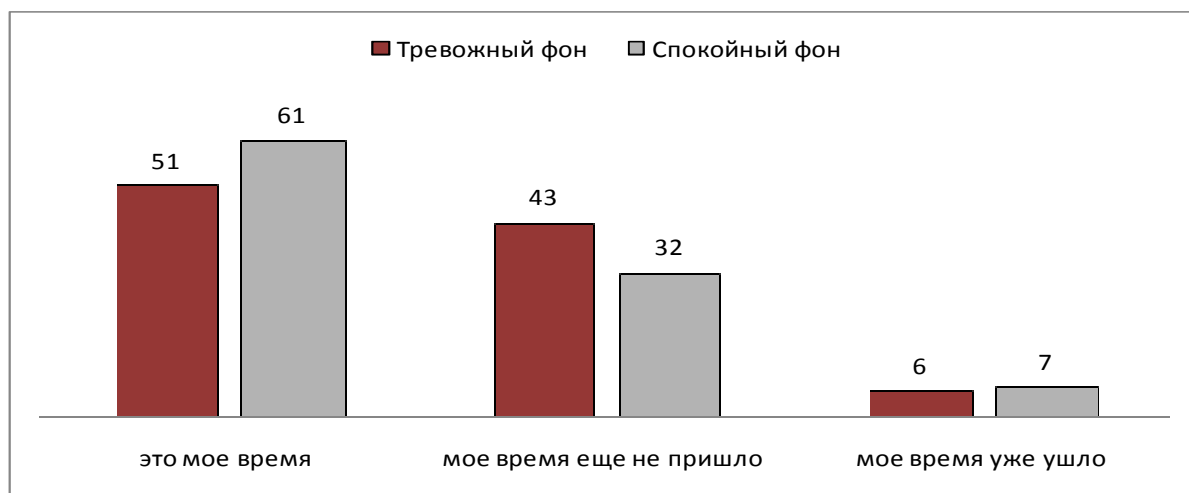

Рис. 2. Оценка студентами времени и своего места в нем, в % ($N^{2015}=210$, $N^{2016}=225$)

В философском плане интересен вывод о том, что время не носит в оценках респондентов «самостоятельного» характера. Оно зависит от носителя. Собственно, время оправдывается самим существованием в нем субъекта.

Чтобы понять, чем именно наполнено это время, необходим более детальный анализ ответов на вопросы о том, что такое для студентов прошлое, настоящее и будущее. Анализируя ответы студентов на вопрос о том, что такое *прошлое*, отметим, что оно наполнено больше положительными коннотациями: студенты отмечают беззаботное и счастливое детство, личные истории и положительные воспоминания, отсутствие проблем и жизненный опыт. Показательно, что выйти за пределы личных историй смогли только 7% опрошенных — преимущественно это студенты исторического факультета, которые свое прошлое воспринимают в глобальном контексте — через историю страны и мира. Они назвали конкретные исторические факты, события и исторических лидеров. «Локализованными» оказались лишь 4.5% респондентов — они связали свое прошлое с конкретным местом: городом, школой, событием.

Что касается *настоящего*, то его определение оказалось наиболее затруднительным для студентов: треть опрошенных ограничились общим ответом: настоящее — это то, что происходит сейчас. «Локальное» восприятие настоящего характерно для 16% опрошенных — они называют конкретные места, события, учебу в университете. «Глобальное» восприятие настоящего, а именно как время возможностей, открытий, вклада в будущее, развития — свойственно для 13% респондентов. Также велик процент тех, кто отмечает катастрофичность настоящего: 15% студентов отмечают его кризисный характер, наличие стрессов, борьбы, нестабильности и неопределенности. В основном, это студенты гуманитарных направлений подготовки и учащиеся старших курсов, магистратуры и аспирантуры.

Будущее оценивается студентами наиболее разнопланово. Доминирующий ответ отражает тревожное сознание современного студенчества: будущее для 19,5% опрошенных — это что-то далекое, плохое, неизвестно-пугающее. Будущее как судьбу воспринимает 18% студентов. Более «локально» будущее видится 30% опрошенных: это крепкая и счастливая семья, интересная работа, свое место в жизни, конкретный город / место проживания. «Глобальные» характеристики будущего дали 16% студентов: это безопасная жизнь, мир, высокое качество жизни, безграничные возможности и глобальные цели. Показательно, что не планируют будущее и не могут его никак интерпретировать, определить 5% студентов.

Таким образом, при оценке прошлого-настоящего-будущего выстраивается система координат от глобального к локальному (рис. 3), при этом возрастает значение «пространства», что отражается в таких характеристиках будущего, как «жизнь в городе, где высокое качество жизни, благоприятная экологическая ситуация» и т. д. Ощущение прошлого у студентов «сужается», а ощущение будущего, наоборот, «расширяется»: рамки прошлого (если мы говорим о конкретном событии) ограничиваются, за редким исключением, собственной жизнью (или даже периодом детства), а рамки будущего ничем не ограничены — это что-то далекое, то, что будет когда-то. В

условиях глобально/локальной картины мира система координат «далеко — близко» кардинально меняется. Создается ощущение, что на настоящее накладывается на прошлое, но настоящее не есть мостик к будущему.

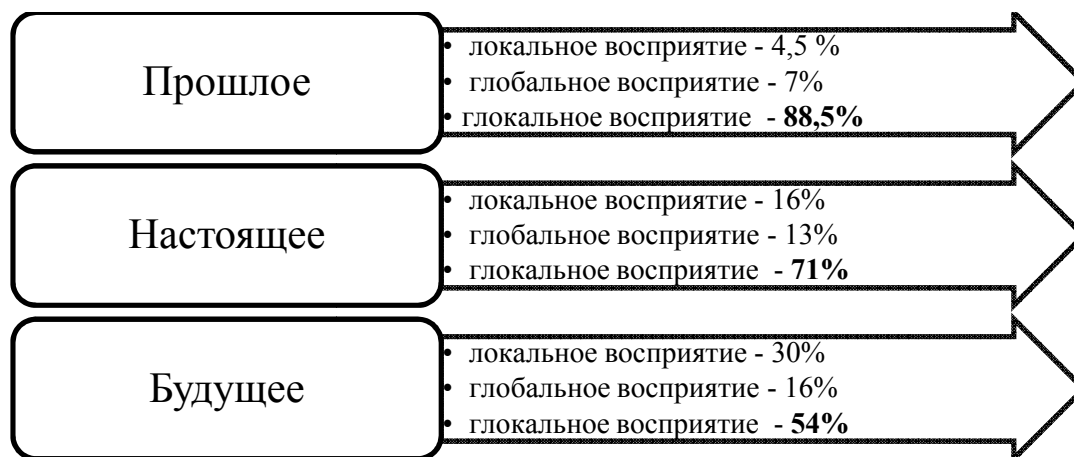

Рис. 3. Глобальное, локальное и глокальное восприятие прошлого, настоящего и будущего в оценках студенческой молодежи, в % ($N^{2016}=225$)

Вполне отчетливо вырисовываются три ориентации сознания — историзм / реализм / футуризм, как мы видим, не сводимые друг к другу. Формируется достаточно сложная система. С одной стороны, в сознании большинства респондентов преобладает футуристическая доминанта, что свидетельствует об ориентации на будущее. Вместе с тем, это глобальное будущее предстает как наполненное «пугающей и плохой» неизвестностью. Прошлое, напротив, в ориентациях сознания отходит на третий план, но окрашивается исключительно позитивно. Настоящее, «работая вторым темпом», задает глубинную локализацию сознания.

Приведенные выше размышления подкрепляются особенностями планирования будущего. Каждый пятый респондент планирует будущее на год и столько же опрошенных проектирует его на пять лет. Однако отметим следующую особенность: долгосрочное планирование на 10 и более лет свойственно для 10% опрошенных, не планируют будущее вообще 21% студентов. При этом в тревожную волну доля последних увеличивается почти до 30% (рис. 4). Долгосрочное планирование оказывается зависимым не от футуристической ориентации сознания, а, напротив, задается, как нам кажется, историзмом. В тревожное время доминанта сознания естественным образом смещается в сторону «беззаботного и счастливого» прошлого, которое, в свою очередь, перекликается с настоящим. Вообще может оказаться, что как отмечает философ Т. Х. Керимов, «сознание времени является ... выключенным из разделения времени, вневременным» [9, с. 169].

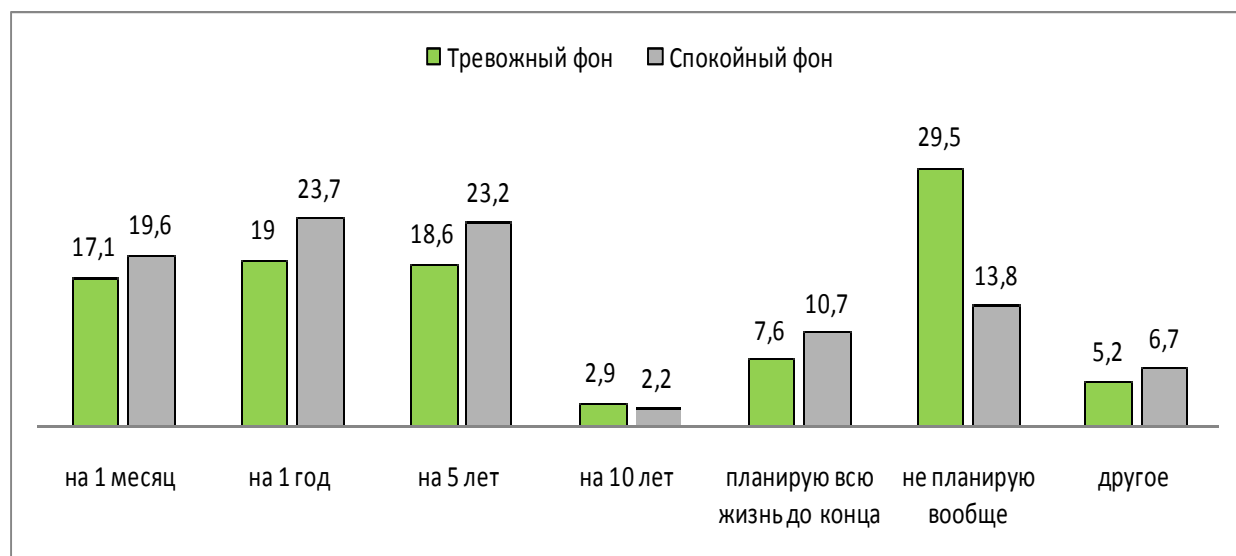

Рис. 4. Планирование будущего студенческой молодежью в тревожное и спокойное время, в % ($N^{2015}=210$, $N^{2016}=225$)

Отметим также гендерные различия в планировании будущего (рис. 5): девушки склонны к среднесрочному планированию — каждая пятая планирует свою жизнь на 5 лет; юноши — к краткосрочному планированию (не более, чем на 1 год). Такие различия обусловлены, на наш взгляд, распространенными в обществе гендерными стереотипами о наиболее предпочтительных занятиях мужчин и женщин (женщины традиционно связываются с семейной сферой, мужчины — с экономической, которая объективно более нестабильна).

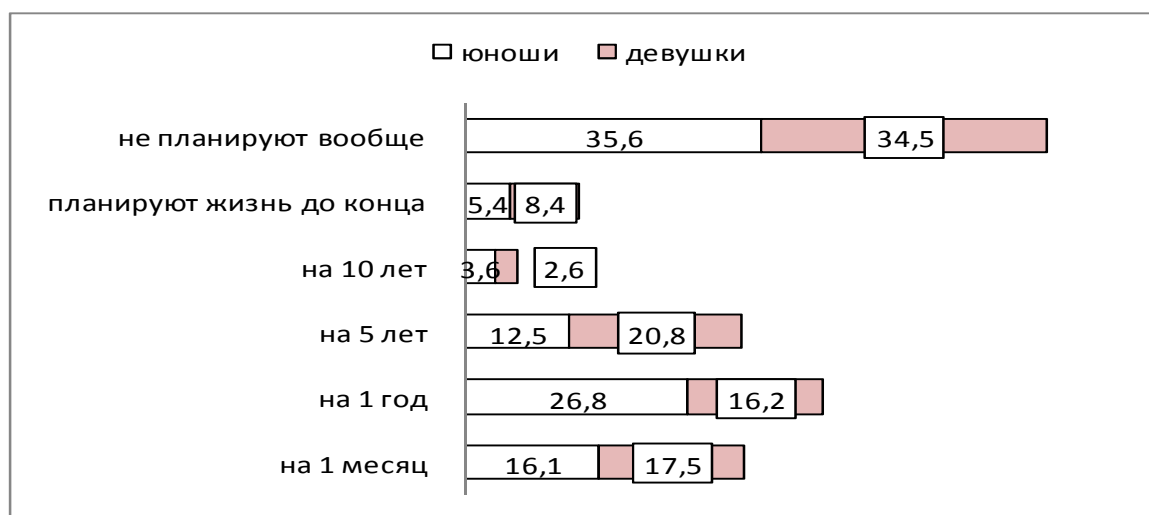

Рис. 5. Планирование будущего юношами и девушками, в % ($N^{2016}=225$)

Видимые различия в планировании будущего демонстрируют также представители разных направлений подготовки (рис. 6). Так, наиболее комфортное и равномерное планирование представили студенты общественных направлений. Наименее комфортно в этом плане себя ощущают студенты технических профилей: половина из них не планирует жизнь вообще, планов на ближайшие 10 лет не строит никто из опрошенных.

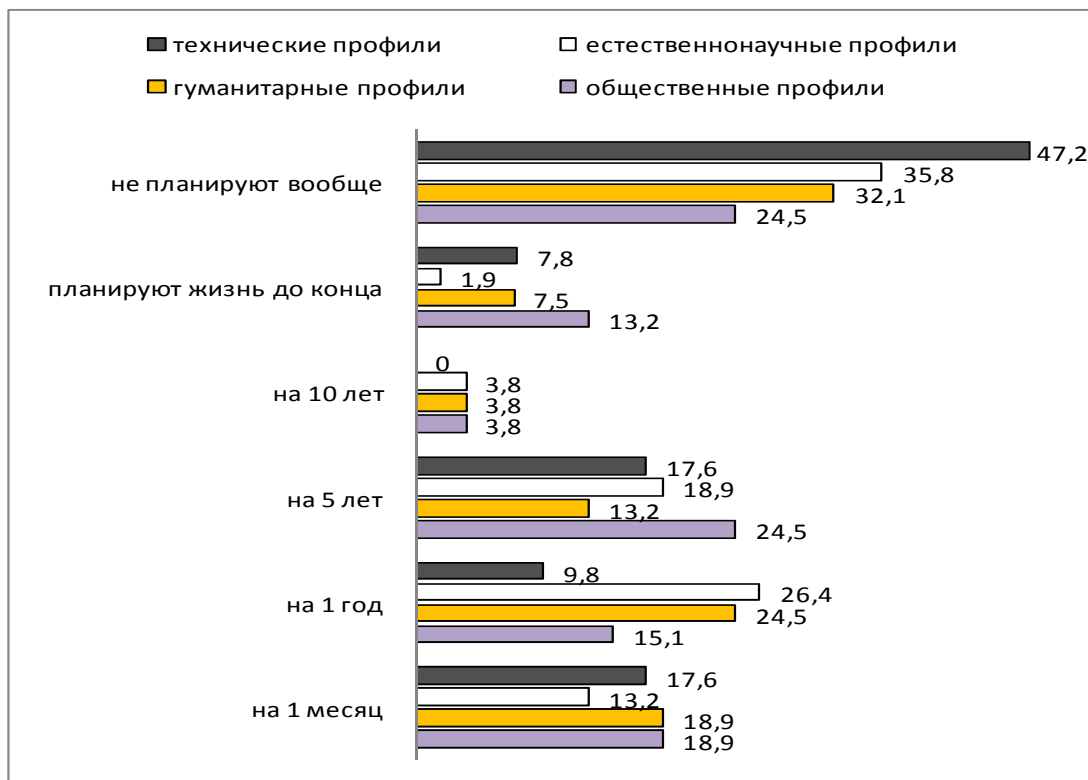

Рис. 6. Планирование будущего студенческой молодежью различных направлений подготовки, в % ($N^{2016}=225$)

Исследование выявило особое времяощущение и времявосприятие студенческой молодежи. Во-первых, *время комфортно* — как прошлое и настоящее, так и проецируемое будущее. Это происходит даже на фоне того, что прошлое-настоящее-будущее «равномерно» катастрофично. Возможно, что глокальный катастрофизм получает в молодежном сознании статус естественных условий жизни. Во-вторых, *время в целом глобально*. Конечно, этот тезис требует дальнейших исследований. Вместе с тем, уже сейчас можно сказать, что прошлое и будущее как полюса виртуальной шкалы воспринимаются глобально, в то время как настоящее как своеобразный «маятник Фуко» предстает сугубо локально. В-третьих, *время субъективировано*. Оно воспринимается как бы через субъекта, который актуализирует временной континуум через доминанты прошлого настоящего или настоящего будущего.

Планирование времени и его ощущение студентами отражает общие негативные тенденции жизни: траектории будущего затруднены, прослеживаются феномены «выпадения» из времени, молодежь, как и большинство россиян [3, с. 144—145], следует стратегиям пассивной адаптации к текущей ситуации в стране и регионе.

«Кто я?»:

социальная идентичность в сознании молодежи

Дихотомия «глобальное — локальное» находит свое отражение и в спектре идентичностей индивида. В нашем случае идентичность понимается достаточно широко, как «когнитивный навигатор» человека в повседневном бытии, в социальной практике [26, с. 68]. Проблема идентичности — от групповой до цивилизационной — в последние десятилетия актуализировалась как реакция на рост социальных и культурных противоречий и конфликтов, порождаемых процессами глобализации и регионализации. Эта проблема заняла существенное место в исследованиях российских и зарубежных философов и представителей иных отраслей науки [4; 5; 7].

Во многом обозначенная проблема определяется столкновением в сознании людей глобально-локальных противоречий. Многие события, происходившие в мире на протяжении первого десятилетия XXI века, подтвердили хорошо известную из всей предыдущей истории истину: «проблема самоидентификации российского общества в значительной своей степени есть проблема конкретизации его современных мировоззренческих универсалий» [1, с. 11]. В процессе осознания социальных противоречий формируются трудности самоопределения, как у отдельного человека, так и у целых поколений. В современных высоко динамичных обществах детерминанты социальной идентичности утрачивают свойства стабильно структурированной системы: на смену «долгосрочной» приходит «краткосрочная» идентичность.

Молодежь, движимая объективными условиями перманентных социальных изменений, вынуждена непрерывно осмысливать свои ориентации в пространстве «Мы — Они», в своем самоопределении и общественном статусе. С кем молодежь отождествляет себя сегодня? К кому она испытывает наибольшую близость? Не ответив на эти вопросы, нельзя понять перспективы формирования *осознанных* групповых интересов и умения их отстаивать в рамках нового общества.

Выяснилось, что учащаяся молодежь чаще демонстрирует в своем сознании проявления общероссийской идентичности: такой срез сознания характерен для 35—44% опрошенных. Эти данные соотносятся с другими исследованиями. Так по данным Л. М. Дробижевой, свыше половины россиян ощущают себя гражданами России в значительной степени [4, с. 140], что объясняется компенсаторной реакцией российских граждан на кризисное состояние общества, возникшее в силу экономических и

политических угроз и санкций. С одной стороны, это свидетельствует о достаточно высокой интегрированности молодежи в российское общество, а с другой стороны, не может не беспокоить тот факт, что региональные и локальные идентичности уходят на второстепенные позиции, а, значим, ивановская молодежь в слабой степени ассоциирует себя и свое будущее с Ивановским регионом. Кроме того, существует противоречие между доминированием общероссийской идентичности и кризисом в сфере гражданской идентичности. Так, полученные данные свидетельствуют о проблемах гражданского самоопределения молодежи, о трудностях содержательного восприятия ценностей патриотизма и гражданственности. Исследование показало, что только 19% опрошенных считают себя патриотами своей страны, а каждый третий студент затрудняется оценить уровень своего патриотизма. При этом наибольшие затруднения в патриотическом самоопределении демонстрируют студенты, отметившие у себя доминирование локального сознания.

Имеют место «колебания маятника идентичности» учащейся молодежи в спокойное и тревожное время. Таблица 1 иллюстрирует следующую тенденцию: в спокойное время для молодежи возрастает актуальность локальной и общероссийской идентичностей, а именно ощущения себя как россиянина, а также жителя своего региона и города. При этом несущественно, но снижается ощущение себя как гражданина мира (глобальная идентичность).

Таблица 1.

Идентичность молодежи в тревожное и спокойное время, в %

Ощущение себя как...	Тревожное время, в % (N ²⁰¹⁵ =210)	Спокойное время, в % (N ²⁰¹⁶ =225)
Россиянина	34,3	43,6
Жителя своего региона / области	6,7	9,8
Жителя г. Иванова	9,5	13,8
Гражданина мира	10,0	8,4
Просто человека	33,8	20,9
Затруднились определить	1,9	0,4
Другое	3,8	3,1
Итого	100	100

Исследование выявило различия в идентификациях юношей и девушек, а также в идентификациях представителей различных направлений подготовки. Так, юноши чаще, чем девушки, проявляют глобальную и общечеловеческую идентичность, а девушки — чаще общероссийскую и региональную идентичность (табл. 2).

Таблица 2.

Идентичность юношей и девушек, в %

Ощущение себя как...	Юноши	Девушки
Россиянина	25	37,7
Жителя своего региона / области	5,4	7,1
Жителя г. Иванова	7,2	10,4
Гражданина мира	14,3	8,4
Просто человека	41,1	31,2
Затруднились определить	1,8	1,9
Другое	5,4	3,2
Итого	100	100

Что касается направлений подготовки (табл. 3), отметим, что региональную и локальную идентичности чаще демонстрируют представители общественных наук, глобальную идентичность — представители гуманитарных направлений, общероссийскую идентичность — студенты, обучающиеся на естественнонаучных профилях, а «общечеловеческую (биологическую)» идентичность — студенты, обучающиеся на технических направлениях подготовки. Можно сделать вывод о том, что профиль образования влияет на самоопределение человека. Данный вывод требует более детального исследования.

Таблица 3.

Идентичность молодежи различных направлений подготовки, в %, 2016 г.

Ощущение себя как...	Общественные науки	Гуманитарные науки	Естественные науки	Технические науки
Россиянина	30,2	34,0	47,2	25,5
Жителя своего региона / области	13,2	1,9	3,8	7,8
Жителя г. Иванова	20,7	3,8	5,7	7,8
Гражданина мира	9,4	17,0	7,5	5,9
Просто человека	24,5	35,8	35,8	39,2
Затруднились определить	-	1,9	-	5,9
Другое	1,9	5,7	-	7,8
Итого	100	100	100	100

Важный момент в исследовании вопроса идентичности — совмещение различных идентичностей в сознании. Для этого нами был сформулирован вопрос о референтных группах. Ответы на него более показательны, поскольку не загоняют респондента в ситуацию «единого» выбора (вопрос задавался как множественный), как в случае с предыдущим вопросом, а позволяют оценить референтность каждой из предложенных групп (табл. 4).

Таблица 4.

Референтные группы молодежи в тревожное и спокойное время,
в %, 2016 г., вопрос множественный

Референтные группы	Тревожное время, в % (N=210)	Спокойное время, в % (N=225)
Мы — граждане Российской Федерации	54,1	52,9
Мы — жители нашего города	21,4	16,3
Мы — люди нашего поколения	36,7	46,6
Мы — люди нашей национальности (мы — русские, мы — гагаузы и т.д.)	19,0	19,5
Мы — жители нашего региона, края	11,0	9,5
Мы — мужчины, мы — женщины	32,4	29,9
Мы — люди нашего уровня жизни (мы — бедные, мы — средний класс)	9,0	6,3
Мы — носители семейной роли (мы — дочери / сыновья, мы — сестры / братья)	21,9	29,9
Мы — люди одной веры (мы — христиане, мы — мусульмане, мы — иудеи)	20,4	12,9
Мы — люди нашей профессии (мы — юристы, мы — историки)	23,8	19,0
Мы — носители определенной культуры (мы — любители классической музыки, мы — панки)	24,2	21,3
Мы — люди одних политических взглядов (мы — либералы, мы — правые)	5,7	2,3
Затруднились ответить	3,3	2,7
Другое (укажите)	3,3	4,1

Анализ позволяет разделить опрошенных на четыре группы. К **первой** группе устойчивых идентификаций (их выделили более половины молодежи) относится только идентификация себя с гражданами России (53—57%). При этом данная идентификация достаточно устойчива в спокойное и тревожное время. Ко **второй** группе относятся самоидентификации, которые стабильно разделяют около трети-четверти опрошенных. В эту группу по результатам опроса вошли идентификация с поколением (возрастает в спокойное время и достигает 46%), идентификация с полом (30%). К **третьей** группе мы отнесли идентификации, разделяемые четвертью респондентов: идентификация с семейной ролью (актуализируется в спокойное время и достигает 29%) и идентификация с определенной субкультурой (21—26%), идентификация с профессией (19—23%), идентификация с национальностью (19%), а также идентификация с местом жительства (16—21%), идентификация с религиозной группой (актуализируется в спокойное время и достигает 20%). **Четвертую** группу составляют относительно малораспространенные самоидентификации, которые

постоянно разделяют не более 15% респондентов: с регионом проживания (9—11%), с людьми схожего уровня жизни (6—9%), с людьми одних политических взглядов (2—5%).

Анализ референтных групп студенческой молодежи дает основание отметить тот факт, что каждый студент внутренне включен в систему сложных социальных ролей и связей, важность которых для него далеко не одинакова. Для большинства из опрошенных сейчас не важны локальные и региональные общности. Зато очень важны микробщности, формирующие духовную и поколенческую связь. Рисунок 7 показывает, как меняется структура референтных групп молодежи в спокойное и тревожное время. Можно проследить устойчивость большинства самоидентификаций, кроме трех: в тревожное время для опрошенных возрастает роль веры (религии), в спокойное время — возрастает роль семьи и поколенческой общности.

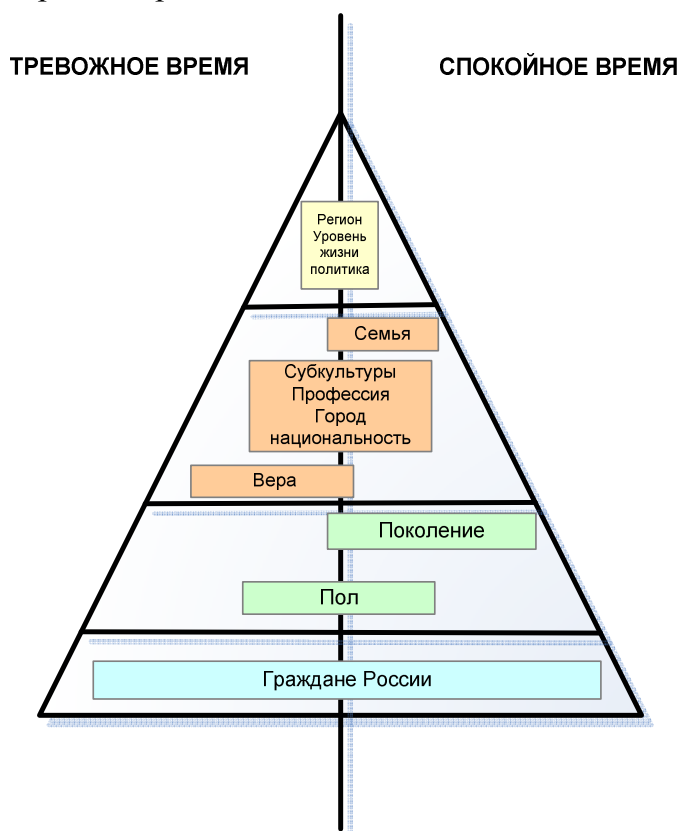

Рис. 7. Структура референтных групп молодежи в тревожное и спокойное время

Таким образом, идентичность молодежи и ее структура характеризуются противоречивыми тенденциями. С одной стороны, локальная идентичность занимает второстепенные позиции, уступая общероссийской. С другой стороны, доминирование общероссийской идентичности не подкрепляется чувством патриотизма.

Вместо заключения: транзитивное сознание молодежи

Концептуальной характеристикой современного молодежного сознания, как показали полевые исследования, следует признать его **транзитивность**. Данный термин понимается нами в широком контексте — в рамках парадигмы модернизации в связи со все возрастающими процессами глобализации и переходом к постиндустриальному обществу. Транзитивное сознание предполагает указание на переходный характер молодежных ментальных структур, фиксирующийся не только в историко-временных, но и территориально-пространственных координатах.

Для транзитивного студенческого сознания, как показал проведенный социологический анализ, характерны следующие особенности. Первая особенность — это **ограниченная проективность**, понимаемая как направленность сознания, находящая свое выражение в определенных и устойчивых жизненных стратегиях и целях. Ограниченность подобной проективности носит временной характер: большинство студентов, планируя собственное будущее, строит прогнозы на сравнительно короткий период времени. Вторая особенность — это **кризисность сознания**, которая особенно проявляется в тревожные (переходные) периоды развития социальной реальности. Важной чертой кризисного сознания является разрыв между индивидуальным и коллективным (общественным) сознанием, между идеалом внутреннего представления о должном и внешней действительностью сущего.

Для кризисного сознания характерны растерянность, неустойчивость ориентаций, ощущение утраты опоры; оно плохо управляемо, панично, склонно к агрессии. Кризисное сознание неидеологично, оно не способно системно конструировать будущее, проектировать жизненную стратегию на далекую перспективу. Отношение к глобальным событиям настоящего и прошлого определяются тревожностью и катастрофичностью сознания [15]. В свою очередь реалии конкретного жизнебытия находят прямое выражение в соотношении «глобального» и «локального» измерений сознания, а в определенных условиях и определяют когнитивные границы восприятия «глобальности».

Проблема транзитивного сознания многогранна. Она лежит далеко за пределами какой-либо одной науки или какой-либо конкретной социально-демографической группы. Но эта проблема всегда будет иметь локально-глобальные координаты, задаваемые конкретным пространством и временем, поэтому своевременное обращение к ней позволит многое сказать «о времени и о себе».

Библиографический список

1. Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социологии», 2010. 528 с.
2. Голофаст В. Глобальное и локальное как контексты и как контрасты // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 1. Режим доступа: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1207925519320603file.pdf (дата обращения 11.12.2017).
3. Гудков Л. Д. Понятие времени в социологии и временные характеристики социальных структур в социологических исследованиях // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 144—145.
4. Дробижева Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник российской нации. 2009. № 1. Том 3. С. 135—144.
5. Жилина В. А. Российская агрессия или агрессия против России. Сущностные аспекты бытия современного Российского общества // Мировоззренческие основания культуры современной России. Сб. материалов VI Международной научной конференции. Магнитогорск: Магнит. гос. тех. ун-т им. Г.И. Носова. 2015, С. 66—70.
6. Жульков М. В. Проблемы многомерности глобального сознания // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2017. Т. 5. С. 71—81.
7. Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 286 с.
8. Калинин П. Е. Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознательной и языковой реальности. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 264 с.
9. Керимов Т. Х. Время и сознание времени: границы феноменологического анализа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 158—171.
10. Кирьянова Л. Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007. 136 с.
11. Кирьянова Л. Г. Дихотомия «глобальное / локальное»: к вопросу постановки проблемы // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 2. С. 225—230.
12. Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятие и проблемы // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 26—31.
13. Орлов Д. В. Глобальное и локальное: ролевая субкультура российских регионов // Регионоведение. 2009. № 2. С. 333—337.
14. Смирнов Г. С. Новая молодая российская интеллигенция: философские проблемы ноосферной экологии, антропологии и персонологии в XXI веке // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 60—71.

15. *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 74—91.
16. *Смирнов Г. С.* Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 88—104.
17. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 428 с.
18. *Смирнов Д. Г.* Глобальное сознание человечества в дискурсе ноосферных исследований // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 84—93.
19. *Смирнова И. Н.* 3D-сознание: прошлое, настоящее и будущее в оценках современных студентов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2017. № 1. С. 47—53.
20. *Смирнова И. Н.* Глобальные и локальные страхи в структуре сознания студенческой молодежи классического университета // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия. Сб. материалов XI Международной научной конференции. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова. 2017. С. 233—235.
21. *Смирнова И. Н.* Категория кризисного сознания: теоретические представления и практики измерения // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3 (8). С. 52—58.
22. *Смирнова И. Н.* Локальные и глобальные страхи как структурный компонент сознания молодежи Ивановского региона // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 1. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. 644 с. С. 334—338.
23. *Смирнова И. Н.* Язык глобального и локального сознания: опыт социологической рефлексии // Ноосферные исследования. 2016. № 1-2. С. 151—172.
24. *Смирнова И. Н.* Глобальное vs локальное: сознание современной молодежи (на примере студентов г. Иванова) // Ноосферные исследования. 2015. № 1—2 (9—10). С. 99—118.
25. *Смирнова И. Н.* Сознание современной студенческой молодежи: аксиологические основания // Система ценностей современного общества. 2016. № 44. С. 132—138.
26. *Тхагапсоев Х. Г., Мосолова Л. М., Леонов И. В., Соловьева В. Л.* Идентичность как навигатор сознания. СПб.: Астерион, 2016. 170 с.
27. *Урсул А. Д., Урсул Т. А.* Глобальные исследования: от глобализации знаний к становлению глобального знания // Философия и культура. 2010. №8. С. 81—91.
28. *Giddens A.* The consequences of modernity. Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. 189 p.

References

- Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh (2010), Tom IV, Chelovek v poiskakh identichnosti, Moscow.: Assotsiatsiia «Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsial'noi teorii».
- Golofast, V. (2002) Global'noe i lokal'noe kak konteksty i kak kontrasty, «Teleskop»: *nabliudeniia za povsednevnoi zhizn'iu peterburzhtsev*, no. 1, available from: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1207925519320603file.pdf (accessed 11.12.2017).
- Gudkov, L. D. (2010) Poniatie vremeni v sotsiologii i vremennye kharakteristiki sotsial'nykh struktur v sotsiologicheskikh issledovaniiax, *Politicheskaia kontseptologiya*, no. 4, pp. 144—145.
- Drobizheva, L. M. (2009) Rossiiskaia identichnost' v massovom soznanii, *Vestnik rossiiskoi natsii*, no. 1, Tom 3, pp. 135—144.
- Zhilina, V. A. (2015) Rossiiskaia agressiia ili agressiia protiv Rossii. Sushchnostnye aspekty bytiia sovremennogo Rossiiskogo obshchestva, in: *Mirovozzrencheskie osnovaniia kul'tury sovremennoi Rossii. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Magnitogorsk, pp. 66—70.
- Zhul'kov, M. V. (2017) Problemy mnogomernosti global'nogo soznaniia, in: *Materialy ezhegodnykh Moiseevskikh chtenii*, Tom 5, pp. 71—81.
- Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* (2011), Moscow: IMEMO RAN.
- Kalinin, P. E. (2015) *Ontologiya tselostnogo soznaniia: prostranstvenno-vremennaia organizovannost' global'noi soznaniievoi i iazykovoii real'nosti*, Ivanovo: Ivan. gos. un-t.
- Kerimov, T. X. (2013) Vremia i soznanie vremeni: granitsy fenomenologicheskogo analiz, *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennye nauki*, no. 4 (121), pp. 158—171.
- Kir'ianova, L. G. (2007) *Obshchestvo v kontekste global'no-lokal'nykh otnoshenii*, Tomsk: Del'taplan.
- Kir'ianova, L. G. (2007) Dikhotomiia «global'noe / lokal'noe»: k voprosu postanovki problemy, *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, Tom 310, no. 2, pp. 225—230.
- Mazlish, B. (2006) Global'noe i lokal'noe: poniatie i problem, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 26—31.
- Orlov, D. V. (2009) Global'noe i lokal'noe: rolevaia subkul'tura rossiiskikh regionov, *Regiologiya*, no. 2, pp. 333—337.

- Smirnov, G. S. (2008) Novaja molodaia rossiiskaia intelligentsiia: filosofskie problemy noosfernoi ekologii, antropologii i personologii v XXI veke, *Intelligentsiia i mir*, no. 3, pp. 60—71.
- Smirnov, G. S. (2010) Noosfera v vek global'nykh katastrof, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 74—91.
- Smirnov, G. S. (2008) Noosfernoe obrazovanie: «myslit' global'no, deistvovat' lokal'no», *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 88—104.
- Smirnov, G. S. (2015) Obrazovanie noosfery: filosofsko-metodologicheskie problemy evoliutsii soznaniia, Ivanovo: Ivan. gos. un-t.
- Smirnov, D. G. (2016) Global'noe soznanie chelovechestva v diskurse noosfernykh issledovaniy, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 2 (16), pp. 84—93.
- Smirnova, I. N. (2017) 3D-soznanie: proshloe, nastoiashchee i budushchee v otsenkakh sovremennykh studentov, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye, obshchestvennye nauki*, no. 1, pp. 47—53.
- Smirnova, I. N. (2017) Global'nye i lokal'nye strakhi v strukture soznaniia studentcheskoi molodezhi klassicheskogo universiteta, in: *Universitet v global'nom mire: novyi status i missiia. Sb. materialov XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova, pp. 233—235.
- Smirnova, I. N. (2015) Kategoriia krizisnogo soznaniia: teoreticheskie predstavleniia i praktiki izmereniia, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 3 (8), pp. 52—58.
- Smirnova, I. N. (2017) Lokal'nye i global'nye strakhi kak strukturnyi komponent soznaniia molodezhi Ivanovskogo regiona, in: *Transformatsiia chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletii*, Z.Kh. Saralieva (ed.), T 1, N. Novgorod: Izd-vo NISOTs, p. 334—338.
- Smirnova, I. N. (2016) Iazyk global'nogo i lokal'nogo soznaniia: opyt sotsiologicheskoi refleksii, *Noosfernye issledovaniia*, no. 1-2, pp. 151—172.
- Smirnova, I. N. (2015) Global'noe vs lokal'noe: soznanie sovremennoi molodezhi (na primere studentov g. Ivanova), *Noosfernye issledovaniia*, no. 1-2 (9-10), pp. 99—118.
- Smirnova, I. N. (2016) Soznanie sovremennoi studentcheskoi molodezhi: aksiologicheskie osnovaniia, *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, no. 44, pp. 132—138.
- Tkhagapsoev, Kh. G., Mosolova, L. M., Leonov, I. V., Solov'eva, V. L. (2016) *Identichnost' kak navigator soznaniia*, St. Petersburg: Asterion.
- Ursul, A. D., Ursul T. A. (2010) Global'nye issledovaniia: ot globalizatsii znaniia k stanovleniiu global'nogo znaniia, *Filosofii i kul'tura*, no. 8, pp. 81—91.